

ИСТОРИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ

Олег Михайлов

Кутузов
Том 1

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84-4
М69

Михайлов, О.

М69 Кутузов. В 2 т. Т. 1 / О. Михайлов. – М. : T8RUGRAM / Агентство ФТМ, 2018. – 306 с. – (Исторические хроники).

ISBN 978-5-519-61291-3 (т.1.)
ISBN 978-5-4467-3175-6

Олег Николаевич Михайлов – русский писатель, литературовед. Родился в 1932 г. в Москве, окончил филологический факультет МГУ. Мастер художественно-документального жанра; автор книг «Суворов» (1973), «Державин» (1976), «Генерал Ермолов» (1983), «Забытый император» (1996) и др. В центре его внимания – русская литература первой трети XX в., современная проза. Книги: «Иван Алексеевич Бунин» (1967), «Герой жизни – герой литературы» (1969), «Юрий Бондарев» (1976), «Литература русского зарубежья» (1995) и др. Доктор филологических наук.

В данном томе представлен исторический роман «Кутузов», в котором повествуется о жизни и деятельности одного из величайших русских полководцев, светлейшего князя Михаила Илларионовича Кутузова, фельдмаршала, героя Отечественной войны 1812 г., чья жизнь стала образцом служения Отечеству.

В первый том вошли книга первая, а также первая и вторая (гл. 1) части второй книги романа.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84-4
BIC FC
BISAC FIC014000

© T8RUGRAM, 2018
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.»,
2018

ISBN 978-5-519-61291-3 (т.1.) © Текст. О. Михайлов,
ISBN 978-5-4467-3175-6 наследники, 2018

Книга первая

Дважды воскресший

Смерть сквозь главу твою промчалась.
Г. ДЕРЖАВИН

Часть I

Глава первая

ЮНОСТЬ ГЕРОЯ

1

Самое дорогое для мальчика — вечера в большом батюшкином кабинете. Набегаешься всласть, катаешься в салазках с ледяной горки, наиграешься в снежки, в гуська, в салки, в крепость. Разумянишься, наберешь в валенки снега, весь иззябнешь. Но все равно чуть не силком, иногда с горькими детскими слезами, уводит тебя мамка домой.

Недолго ребячье горе. После ужина залезешь с ногами на скользкое кожаное аглицкое кресло и слушаешь, слушаешь батюшку. Чудо как хорошо!

Чего только не знает Ларион Матвеевич! Ведь недаром называют его в Петербурге «Разумною книгою».

И про полуденные страны знает, где люди круглый год ходят нагишом и зело черны и где обитают в степях диковинные птицы. И среди них птица, величайшая в свете, именуемая Строус, которая бежит как конь. На этом Строусе, усевшись верхом, римляне учреждали скачки, наперегонки с лошадьми...

И про Индию, царство чудес, в котором вельможи в одеяниях, изукрашенных адамантами и сапфирами, восседают под балдахинами на звере-горе, называемом Элефант. И тот Элефант на рыле имеет мускулистую длинную трубку. Он ее сжимает и распускает, ею пьет, берет разные вещи и обороняется от врагов...

И про дерзких мореходов, из которых один, гишпанец Колумбус, открыл Вест-Индию, или Новый Свет. И в сем Новом Свете спрятана от пришельцев Золотая Страна – Эльдорадо.

Собраны в ней бесчисленные сокровища вождей и жрецов индейских – из червонного, красного и белого золота. И многие рыцари и простые люди пытались отыскать Эльдорадо, уходили в леса дремучие, поднимались в горы поднебесные, где ужасные дыры огонь из преисподней мечут. Но никто не возвращался с удачей. Или не возвращался вовсе...

– А с песьими головами люди где обретаются? Мне мамка вчор сказывала... – решается озадачить Миша своего батюшку.

– Сие выдумки от темноты да невежества. Песьи головы, Мишенька, привязывали к седлу опричники царя нашего Грозного Иоанна. Ибо называли себя его верными псами...

Как рассказывает батюшка – век бы слушал! Сколько земель на белом свете, сколько чудес! Но милее всего Мишину сердцу истории воинские, ратные подвиги и фамильное прошлое древнего рода Голенищевых-Кутузовых.

– Сам святой Александр Невский, князь Новгородский и великий князь Владимирский, день кончины коего все мы, православные, отмечаем четырнадцатого ноября, благословил родоначальника нашего...

Историю эту Миша слушал едва ль не в десятый раз. Но каждый раз словно наново. Шаловливый, резвый и даже проказливый, мальчик затихал, впивался большими живыми глазами в отца. А тот не без торжественности повествовал:

– Было это в тысяча двести сороковом году от Рождества Христова. К новгородским границам подошли шведы с их гордым вождем Биргером. И Биргер сей послал князю Александру надменную грамоту: «Се уже есть зде и пленю землю твою». Тогда собрал князь Александр Ярославич свою дружину и встретил шведов. У речки Ижоры, притока нашей Невы. Храбрые новгородцы в лоск разбили врага. А князь Александр собственным копьём возложил печать на лицо Биргера. За эту битву он и наречен был в народе Невским. Так вот, рука об руку

со святым Александром сражался праотец наш Гавриил, верный его сподвижник...

Тихо потрескивают свечи в шандале на дубовом столе; за небольшими, заросшими льдом оконцами тьма и холод — люты морозы были в восемнадцатом веке. И шли они, с перерывами, дружной и грозной чередой. Порой по две-три недели держалось поболее тридцати градусов. Как начнет Юрий холодный оброк собирать, так за порогом уже стучится студень, или декабрь. И идут сперва варварины морозы: трещит Варюха, береги нос да ухо! Варвара заварит, Савва засалит, Никола загвоздит. Варвара ночи урвала, украла, день приточила. А за Варварой — Савва. Савва снегом стелет, гвозди острит, льдом засалит. Савву сменяет Никола Зимний. Два их, Николы: один с травой, другой со снегом. Зима на Николу замает — дороги не бывает.

Но вот Спиридона поворот: солнце на лето, а зима на мороз. В этот день медведь в берлоге поворачивается и корова на солнце успевает нагреть один бок. С солнцеворотом дня прибудет хоть на воробьиный скок. А там пост холодный — рождественские морозы. Январь — всем зимним месяцам отец. Трещат крещенские морозы: трещи, трещи, пока не пришли водохрящи. После холодов на Татьянин день — афанасьевские морозы: Афанасий и Кирило забирают за рыло. Их сменяют тимофеевские: в день Тимофея Полузимника — ползимы миновало.

Дождались и Сретенья: зима с летом встретились. Коли на Сретенье метель дорогу замела, то весь корм подберет. За ним грядет Власьев день — власьевы морозы. И март на нос садится, и в нем морозит...

Но тепло и покойно в кабинете с круглыми натопленными голландками, с длинными полками русских и иноземных книг в телячьей коже и сафьяне. Размеренно звучит глуховатый батюшкин басок:

— Праправнук Гавриила, сподвижника Александра Ярославича, был Федор Александрович, по прозвищу Кутуз. От него-то и пошли мы, Кутузовы...

— А что значит — Кутуз? — быстро спрашивает Миша.

— Подушка у кружевниц, — с готовностью отвечает Ларион Матвеевич, любуясь дотошностью сынишки. — Из кожи либо материи. Видно, были в нашем роду искусные мастерицы. Вязали украшения для семей московских князей и бояр...

Сметливый мальчик давно уже знает смысл этого слова от доброй бабушки, заменившей ему мать. Но просто хочет восторгом сделать приятное батюшке своему.

— Еще, расскажи еще! Про князей московских... — просит Миша.

— Много чудесного и страшного происходило в те годы. Нравы были крутые. Внук Дмитрия Донского, победителя татар на Куликовом поле, князь Василий Васильевич¹ боролся с дядей своим Юрием Галицким за московский стол. Ты хоть и мал, да знать должен, как жестоко поступали тогда князья в споре за власть. Никого не щадили. Да! Не нынешнее просвещенное время благословенной Елизаветы Петровны! — простоудушно восклицает он, как и все люди на земле, уверенный, что время, в которое он живет, самое просвещенное и самое значительное. Хотя бы потому, что в нем уместилась малая его жизнь.

Ларион Матвеевич крестится на темный угол, где должны быть иконы, и продолжает:

— Так вот. Желал князь Василий избавиться от одного из главных своих соперников. Заманил и ослепил старшего сына Юрия — Василия Косого. А через шестнадцать лет последовала месть. Он сам лишен был глаз братом Косого — Дмитрием Шемякой. После этого и прозвали его: Темный. И во всех тяжких испытаниях сопровождал князя Василия Васильевича верный его боярин Василий Федорович Кутуз...

— Сын Федора Александровича, батюшка? — вставляет Миша.

— Он, он самый. — Ларион Матвеевич гладит мальчика по стриженной головке: памятливы, умен, — и продолжает: — А Шемяка тем временем сел в Москве. Да сидел недолго. Правил он, Мишенька, не имея ни стыда ни совести. С той поры люди говорят о

¹ Василий II Темный (1415—1462) — великий князь Московский с 1425 г., сын Василия I.

бесчестном: Шемякин суд. И москвичи стали звать к себе слепого князя Василия. С многочисленной ратью двинулся он к Первопрестольной. Бесславно бежал от него Шемяка в Каргополь. И по пути, как подлый тать, захватил в заложницы мать Василия Васильевича – Софью. Дочь могущественного князя Литовского Витовта. Князь Василий Темный вернул себе великий московский стол. И стал горевать: что с матерью? Не извели ее кат Шемяка? Вызывает он Василия Кутуза и речет ему: «Поезжай, верный мой слуга, в Каргополь. И если жива моя матушка, упроси Шемяку вернуть ее...»

– Ну и как? – сучит в нетерпении ножками в мягких бурках сынишка.

– С превеликим трудом, но выполнил Василий Федорович препоручение великого князя. То-то было радости в кремлевских палатах...

Ларион Матвеевич встает с кресел, щипцами снимает со свечек нагар. Выступают из полумрака лики с икон Пресвятые Богородицы и батюшкиного святого – Иллариона, епископа Меглинского; строго глядит – усы торчком – из вызолоченной бронзовой рамы Петр Великий.

– Батюшка! Скажи о чем-нибудь еще! – молит Миша.

Ларион Матвеевич утверждает в креслах, пухлая рука сама находит фарфоровую табакерку с лицеизображением государыни Екатерины, супруги преобразователя России. Со щелчком отворяется крышка, щепоть доброго гамбургского табаку отправляется сперва в левую, затем в правую ноздрю. Орлиный батюшкин нос заостряется от щепотки, мальчик приговаривается слушать, как с мортирным звуком чихнет батюшка в батистовый с кружевами платок. Вот пухлое батюшкино лицо вновь распускается, белеет, выпуклые глаза открываются, приятная важность вновь исходит от него.

– А знаешь ли, Мишенька, что родственница наша называлась женой царя и великого князя Московского?

Нет, мальчик не знает об этом и весь обращается в *слух*.

– Когда разваливалась грозная Золотая Орда, осталось враждебное Руси Казанское царство. Наш государь и великий князь

Иоанн Грозный желал вернуть балтийские земли, завоеванные шведом. Но как сие сделать? Пойдешь на запад — татары ударят тебе в спину! Надобно прежде завоевать Казань. Орешек сей, однако, оказался зело крепок. Удалось было Иоанну посадить на казанский стол верного ему Шиг-Али-хана. Но возмутились татары, скинули его и назвали главой своей астраханского царевича Едигера-Махмета. Он дал казанцам клятву быть неумолимым врагом России. И вот Иоанн Грозный самолично явился под стены Казани. Битвы происходили почти ежедневно. Русским удалось взорвать тайник, откуда татары запасались водой. Были подведены главные подкопы. Настал день решающего штурма. Было это² второго октября тысяча пятьсот пятьдесят второго года...

Миша спал с открытыми глазами: с грохотом рвались в подкопах бочки с порохом; в дыме пожарищ рушились стены Казанского кремля; шли с тяжелыми пищалями государевы стрельцы.

— Казанцы отчаянно защищались на улицах. — Ларион Матвеевич разволновался от собственного рассказа и грозно чертил перстом в воздухе. — Они удвоили усилия и почти вытеснили наших. Но вот сам Иоанн схватил знамя, стал в городских воротах и удержал бегущих. Царь Едигер был взят в плен, защитники его пали...

— И государь ослепил его, как Василия Темного? — ужасается мальчик.

— Нет, грозен и жесток, но справедлив был Иоанн Четвертый, — качает головой (пусть отдохнет от парика) головой Ларион Матвеевич. — Едигер был отправлен в Москву. Там он принял святое крещение под именем Симеона. Ему оставили титул царя. Жил он в Кремле, в особенном большом дворце. Имел боярина, чиновников и множество слуг. Понимал наш государь, сколь важно привязать Едигера-Симеона, склонить его на верность Руси. И стал подыскивать ему невесту. А у боярина московского Андрея Кутузова, нашего сородича, была дочь Мария. Всем хо-

² Все даты в романе даются по старому стилю.